

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

СМИРНОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ

*доктор философских наук, профессор кафедры теории и технологий социальной работы
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
smirnovpi@mail.ru*

SMIRNOV PETER

*doctor of science in philosophy, department of theory and technology of social work,
Saint-Petersburg state institute of psychology and social work*

УДК 316.61

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ ЛИЧНОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ

BASIC SOCIAL TYPES OF PERSONALITY: THE WAY OF DEFINING

Аннотация. В статье предлагается концепция выявления основных социальных типов личности, основанная на: 1) критически воспринятой гипотезе Юнга об экстравертах и интровертах и 2) положении о трех основных разновидностях деятельности — эгодеятельности, служебной деятельности и игре. Выявлены социальные типы личности, основными из них признаны: гармоничный деятель, эгодеятель, служащий и игрок. Прослежена эволюция этих типов в зависимости от осознанности ими собственной жизнедеятельности и нравственного выбора.

Abstract. The paper presents the way of defining the main social types of personality based on: 1) Jung's hypothesis on extroverts and introverts that was taken with strong criticism, 2) the thesis of three basic types of activity — ego activity, service activity and game. Several social types of personality were found and four of them were considered basic — harmonic actor, ego-actor, service actor, and gamer. The evolution of these types depends on the degree of actors' perception of their activity and moral choice.

Ключевые слова: личность, социальный тип, деятельность, природа человека.

Keywords: personality, social type, activity, human nature.

В статье решаются две взаимосвязанные задачи: 1) излагается теоретическая концепция выявления основных социальных типов личности; 2) вкратце рассматриваются выявленные типы, а также их эволюция. Но предварительно проясняется проблемная ситуация и вводятся исходные представления и понятия.

Проблемная ситуация складывается из ряда обстоятельств и вытекающих из них вопросов.

Во-первых, слово «личность» многозначно и употребляется в разных смыслах в обыденной речи, философии, психологии, социологии и публицистике.

Во-вторых, на уровне обыденного сознания, в религии, науке, в искусстве и философии известно неопределенно большое количество самых разных типов личности. В жизни различают людей порядочных и проходимцев, добрых и злых, честных и жуликов. Согласно религии возможны праведники и грешники. Психологи различают сангвиников, флегматиков, холериков, меланхоликов, экстравертов и интровертов и т. п.

В-третьих, имеется неопределенно большое количество самых разных теорий и концепций

личности. Особенно много их в психологии, где каждый крупный теоретик строит собственную теорию личности.

В-четвертых, в западной психологии выражена тенденция исключить из теоретического рассмотрения социальное начало в человеке при рассмотрении проблем личности. В частности, считается «непрофессиональной» (для «научной психологии») такая точка зрения, когда в понятие «личность» включается «внешний, поверхностный социальный образ, ... общественное лицо, обращенное к окружающим» [14, с. 22]. Напротив, в отечественной психологии советского периода подчеркивалась необходимость отразить в понятии «личность» социальную сущность человека.

Возникает ряд вопросов: 1) Почему слово «личность» многозначно? 2) Почему возможно неопределенно большое количество типов личности? 3) Почему существует много теорий личности? 4) Можно ли рассматривать личность как «социальную сущность» человека в рамках социологии или же ее следует оставить в качестве предмета психологии?

Для первых трех вопросов существует один простой (но не лежащий на поверхности) ответ: многообразие точек зрения на личность, неопределенно большое количество выделяемых типов личности, а также множество теорий, описывающих ее, объясняются изначальной сложностью человеческой природы. Еще древние греки уподобляли человека (микрокосм) вселенной (макрокосму). Оба мира сложны и предстают перед нами разными своими сторонами. Благодаря сложности человеческой природы существует возможность выделить некие ее стороны (или комплексы сторон) и назвать отдельную сторону (комплекс) личностью, выделить типы и построить теории личности.

Строение и свойства природы человека еще далеко неясны, но можно сделать относительно нее несколько почти очевидных утверждений.

Так, можно утверждать, что человек есть *живое природное*, а также *социальное* и *духовное существо*. Каждой из сторон присуща некоторая совокупность свойств или признаков. К природной стороне можно отнести генетические, анатомические, физиологические признаки. В духовную можно включить сознание, разум, волю, чувства и нравственное начало. Что касается социальной стороны, то, поскольку слово «социальное» вовсе не обозначает какой-то один объект» [7, с. 196], о ней будет сказано дополнительно. Большинство теорий личности построены на комбинации тех или иных признаков природы человека, выделяемых теоретиками произвольно, в зависимости от их личных научных интересов.

Четвертый вопрос — о целесообразности рассмотрения личности в рамках социологии — можно решить, соотнеся наименования людей, отражающие свойства или состояния человека, и объединения, в которые люди входят «естественным» образом. Например, наименования: *человек, верующий, гражданин, личность* естественно сочетаются со словами *церковь, государство, общество, человечество*. При этом возникают пары: *гражданин — государство, верующий — церковь, личность — общество, человек — человечество*. Поскольку общество состоит из личностей, вполне целесообразно рассматривать личность в рамках социологии. Однако этот предварительный вывод возвращает нас к вопросу о том, что такое социальное? Как это понятие следует трактовать применительно к целям статьи?

Подробный анализ значений слова «социальное» имеется в литературе [10, с. 19–25], поэтому отметим лишь, что наибольший интерес представляет то его значение, которое употреблялось при описании механизмов соотнесения или корреляции взаимодействия людей, ибо на соотнесении взаимодействий из множества участников возникают объединения людей. Механизм взаимодействия описывается классиками социологии выражениями «физиологический социальный факт» и «социальное действие»

По Веберу, действие становится социальным в том случае, если его субъективный смысл соотносится с действием других людей и ориентируется на него [2, с. 497], благодаря чему возникает

объединение, действующее как единое целое. Понятно, таким путем можно соотнести действия лишь ограниченного количества лиц. Действия большого количества людей может скоррелировать с помощью физиологического социального факта Дюркгейма. Таковым оказывается «всякий способ действий, ... способный оказывать на индивида внешнее принуждение; ... распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий ... свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [4, с. 37–38]. Дюркгейм фактически описывает то, что ныне называется социальной нормой. В целом же, в широком смысле слово «социальное» следует понимать как «соотнесенное» или «скоррелированное».

Однако такое понимание слова «социальное» влечет определенную трудность, т.к. опираясь на признак «соотнесенность», теоретически невозможно различить совершенно разные объединения людей, возникающие при их взаимодействии (например, влюбленную парочку от исследовательской группы, производственный коллектив от воинского подразделения и т.д.). Все эти объединения в равной степени оказываются «обществами». Но ведь очевидно, что это различные объединения, которые необходимо различать по теоретически выделяемым признакам. Возникает, следовательно, вопрос об узком значении слова «социальное», в котором в наибольшей степени будет отражена «социальная сущность» человека.

На этот вопрос можно ответить, исходя из представления о *ведущем типе взаимодействия*, на основе которого возникают качественно различные объединения людей, о чем писал П. Сорокин. Он различал интеллектуальное, чувственное и волевое взаимодействия [11, с. 26–29]. Однако в настоящее время выделяют и другие типы взаимодействия, которые могут быть положены в основу общества: природное, чувственное, рече-коммуникационное, деятельностное и правовое [1, с. 82–83].

Теоретически на этих типах взаимодействия можно строить относительно простые модели социоподобных систем, причем любой тип взаимодействия можно положить в основу объединения людей, которое будет именоваться «обществом», а его участник называться «личностью». Тем самым тип взаимодействия определит подход к социальному началу в человеке, а также дальнейшее понимание личности.

В частности, взяв за основу чувственное взаимодействие, можно рассматривать человека как существо, способное к любви и ненависти, соперничанию и злорадству и т.п. Положив в основу правовое взаимодействие, получим личности законопослушных граждан и преступников, руководителей и подчиненных и пр. Но какой же тип взаимодействия наиболее целесообразно положить в основу общества?

Будем считать, что для этого наилучшим образом подходит деятельностное взаимодействие (обмен результатами деятельности — продуктами и услугами). В пользу этого выбора можно привести разные аргументы, но здесь можно ограничиться только одним: экологическую проблему,

нерешенность которой грозит человечеству неисчислимыми бедами, проще всего объяснить, опираясь на представление о деятельностном взаимодействии. Очевидно, что проблема экологии есть результат нашей собственной деятельности.

С учетом сказанного, можно определить общество как объединение людей, возникающее на основе соотносенных (скоррелированных) типов взаимодействия людей, ведущим из которых является деятельностное взаимодействие. Соответственно, личностью (в качестве предмета социологии) описывается человек как участник деятельностного взаимодействия, некий деятель, «актер».

Выбор скоррелированного деятельностного взаимодействия в качестве собственного социального ставит, однако, проблему выявления основных разновидностей деятельности, выбор которых определит типы личности. Деятельность обладает неопределенным количеством признаков, на основании которых можно построить разные типологии ее конкретных разновидностей, способных лечь в основу социальных типов личности.

Например, Н. Я. Данилевский положил в основу своего учения о культурно-исторических типах представление о религиозной, культурной, политической и общественно-экономической деятельности [3, с. 400]. Эти разновидности можно использовать и для выделения типов личности. Названия «религиозный», «культурный», «политический», «экономический» человек и т.п. встречаются в литературе.

Мысль об основных разновидностях деятельности, лежащих в основе общества, весьма плодотворна для теоретических исследований социальных явлений, в том числе, личности. Но разновидности, предложенные Данилевским, не всегда удобны для теоретических построений, поскольку они слишком сложны и неоднородны. Не всегда понятно, где кончается одна разновидность и начинается другая. Какой, например, разновидностью деятельности считать древнерусскую иконопись: религиозной, культурной или экономической? Ведь в иконописи есть следы и первой, и второй, и даже третьей. А для теоретических исследований социальных явлений желательно использовать наиболее простые, «элементарные», разновидности деятельности. Кроме того, для исследования личности как социальной сущности человека требуется найти разновидности, которые самым тесным образом связаны с существованием деятеля.

Сравнительно простыми разновидностями деятельности, которые можно использовать в теоретических исследованиях общества и личности, являются деятельности творческая и рутинная, производящая и присваивающая и др. Могут представлять интерес, например, описания личностей творца и исполнителя, производителя и человека присваивающего и т.п. Однако признаки, на основании которых эти разновидности деятельности различаются, не связаны непосредственно с существованием деятеля. Деятельность творческая и рутинная различаются их продуктом (продукт принципиально новый и воспроизведенный по образцу). Производительная и присваивающая деятельность

отличаются тем, что посредством первой человек что-то приносит в мир, а посредством второй присваивает нечто готовое и т.д. Необходимы же разновидности деятельности, которые были бы самым непосредственным образом связаны с существованием деятеля.

В рамках деятельностно-ценностного подхода к исследованию социальных процессов и явлений эти разновидности выявляются из рассмотрения простейшей ситуации, когда имеются: 1) деятель, 2) процесс деятельности, 3) нечто другое. При этом «другим «может быть все что угодно: другой человек, общество, природа, Бог, красота, истина и т.п. Постулируется также, что деятельность всегда совершается в пользу кого-то или чего-то, ради кого-то или чего-то.

С учетом сказанного выявляются три логически возможные разновидности деятельности.

Во-первых, деятель может осуществлять деятельность ради самого себя, ее для краткости можно назвать «эгодеятельностью».

Во-вторых, деятельность может совершаться в пользу «другого» (человека, Бога и т.д.). Ее удобно назвать «служебной деятельностью» или просто «службой».

В-третьих, деятельность может совершаться ради самого процесса деятельности. Проще всего назвать ее «игровой деятельностью» или «игрой».

Названные разновидности деятельности выполняют по отношению к существованию деятеля разные функции:

- эгодеятельность имеет целью удовлетворение самых разнообразных потребностей деятеля (и материальных, и духовных) и обеспечивает его существование;
- служебная деятельность придает смысл существованию деятеля, связывая его с миром и освобождая от бессмысленности одиночества (Если я один и для себя, то зачем я?);
- игра приносит в существование деятеля радость. Она возможна в минуты его самодостаточности, когда деятель, освободившись от потребления мира или служения ему, расходует свои жизненные силы в сотворенном для себя особом игровом мире [1, с. 86–87].

Представление об этих разновидностях деятельности служит *первой исходной теоретической предпосылкой* для выявления основных социальных типов личности.

Второй предпосылкой является критически воспринятая концепция К. Г. Юнга об экстравертах и интровертах как типах личности. Вкратце она излагается ниже, причем ключевые для целей статьи положения выделяются курсивом. Кроме того, положения, принимаемые в качестве истинных, сопровождаются в скобках восклицательным знаком, а положения, вызывающие сомнения, знаком вопроса.

Юнг, говоря о двух противоположных установках — интроверсии и экстраверсии, — высказывает мнение, что «ритмическая смена обеих форм психической деятельности должна была бы соответствовать нормальному течению жизненного процесса» [15, с. 32].

Кроме того, по его мнению, «сложные внешние условия, в которых мы живем, равно как и еще более сложные условия нашего индивидуального психического устройства..., редко допускают вполне гармоничное течение психической энергии». В результате возникает «перевес в сторону работы одного механизма. И если такое состояние по определенным причинам становится преобладающим, то вследствие этого и возникает тип, т.е. привычная установка, в которой один механизм постоянно господствует... Гипотеза об интроверсии и экстраверсии позволяет... различать две обширные группы психических личностей» [15, с. 32–33].

В целом, принимаются два положения юнговской концепции.

Во-первых, утверждение о ритмичном чередовании его установок как нормальном течении жизненного процесса. Экстраполируя ее применительно к трем основным разновидностям деятельности, можно утверждать, что «нормальное течение жизненного процесса» (т.е. полноценная жизнедеятельность) состоит из гармоничного и ритмичного чередования трех основных разновидностей деятельности.

Во-вторых, положение о том, что по каким-то причинам ритмичное чередование может нарушаться, одна из установок становится постоянно преобладающей, что определяет психический тип личности. Применительно к нашему случаю это означает, что ритмичное чередование основных разновидностей деятельности может нарушаться, какая-то из разновидностей оказаться доминирующей, и это определит социальный тип личности.

Что касается сомнительных положений концепции, то прежде всего сомнение вызывает выражение «определенные причины». Очевидно, что это словосочетание фактически означает «неопределенные» или «неизвестные» причины, позволяя при этом временно уклониться от исследования возможных реальных причин.

Второе сомнение связано со словом «редко» при соотнесении его с выражениями «ритмичное чередование», «нормальное течение жизненного процесса» и «преобладающее состояние».

Бесспорно, полное ритмичное колебание установок на интроверсию и экстраверсию (пятьдесят на пятьдесят) наблюдается редко. Но можно ли говорить о постоянном доминировании одной из установок, когда их соотношение выражается пропорцией сорок пять на пятьдесят пять или даже сорок на шестьдесят (индивид в сорока случаях ведет себя как интроверт, а шестидесяти как экстраверт, или наоборот)?

Учитывая, что причины сдвига в ритмичном чередовании психических установок неизвестны, следует оценивать их смену и степень доминирования одной из них, исходя из гипотезы о нормальном распределении. Смысл гипотезы достаточно прост. Нормальное распределение признака, например, роста человека, наблюдается в тех случаях, когда неизвестны причины, лежащие в основе изменений [12, с. 167]. Тогда следует ожидать, что число случаев, близких к предельным значениям признака,

будет относительно невелико, а большинство случаев окажется в области значений, условно называемых «средними».

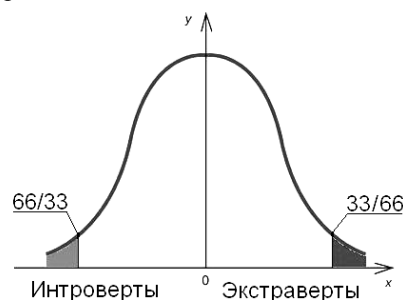

Рис. 1. Распределение ритма колебаний установок на интроверсию и экстраверсию

На рисунке 1 воспроизведена кривая нормального распределения, теоретически отражающая ритм колебаний установок интроверсии и экстраверсии. Цифры 66/33 и 33/66 отражают ситуацию перехода к явному преобладанию одной из установок.

На рисунке видно, что число резко выраженных интровертов и экстравертов относительно невелико. Большинство случаев попадает в область более или менее ритмичных колебаний от интроверсии к экстраверсии.

Применение гипотезы о нормальном распределении к концепции Юнга позволяет сделать два вывода: 1) ритмичная смена установок должна наблюдаться достаточно часто, а не редко, 2) гипотеза об интроверсии и экстраверсии позволяет различать не две, а три обширные группы психических личностей. Самая многочисленная состояла бы из относительно нормальных или ритмичных личностей. А две группы, очевидно, немногочисленные — из резко выраженных интровертов и экстравертов. Возможно, Юнг, работая психиатром в клинике, пришел к выводу о наличии всего лишь двух личностных типов потому, что основным материалом его наблюдений оказались психически нездоровые люди (явное преобладание одной из установок есть нарушение нормального течения психических процессов).

С учетом сказанного на основе представления о предлагаемых разновидностях деятельности теоретически можно выделить семь социальных типов личности.

Во-первых, большинство людей способны более или менее ритмично переходить от одной разновидности деятельности к другой. Они являются «гармоничными деятелями» или «гармонично развитыми личностями». Теоретически гармоничный деятель — основной социальный тип личности.

Во-вторых, возможно явное преобладание одной из основных разновидностей деятельности, поскольку по неизвестным причинам гармоничная деятельность формируется не у всех. Когда прекращается ритмическое чередование разновидностей, то деятель как бы «застывает» в одной из разновидностей. Появляются личностные типы *служителя*, *эгодеятеля* и *игрока*, которые, хотя составляют меньшинство в основной массе людей,

чаще становятся персонажами в литературных произведениях или запоминаются как исторические деятели («лучшие умирают незамеченными»). Служителей, эгодеятелей и игроков также следует считать основными социальными типами личности.

В-третьих, возможна ситуация, когда в качестве доминирующих оказываются две разновидности деятельности, примерно равные по «весу». В случае равного доминирования эгодеятельности и игры возникает тип *эгодеятеля-игрока*. В случае доминирования служебной деятельности и игры возникает тип *служителя-игрока*. Когда же равно доминируют эгодеятельность и служение, теоретически возможен тип *эгодеятеля-служителя*. Эгодеятели-игроки и служители-игроком вполне жизнеспособные типы личности. К первым можно отнести *авантюристов*, вторых условно можно назвать *первооткрывателями*. Личностный тип эгодеятеля-служителя свидетельствует о явном раздвоении личности (ситуация, описанная Стивенсоном в рассказе о докторе Джекиле и мистере Хайде).

Кроме того, основные социальные типы способны к своеобразной эволюции в зависимости: 1) от степени осознанности ими собственной деятельности и 2) от сделанного ими нравственного выбора. Для простоты обзора эволюция отражена в таблице, в которую внесены лишь четыре типа — гармоничный деятель, эгодеятель, служитель и игрок (таблица 1).

В первом столбце таблицы расположены основные личностные типы. В последующих — их разновидности в зависимости от степени осознанности людьми собственной деятельности, а также от нравственного выбора.

На первой ступени осознания собственной деятельности (естественный и животный типы) находятся люди, которые «просто живут», не задавая себе вопросов о том, как и зачем жить. Дополнительная характеристика «животный» дана к типам служителя и эгодеятеля в связи с тем, что поведение этих типов напоминает поведение животных. Служителем животного типа является «верный раб», образ которого неоднократно описан в литературе: «люди холопского звания — сущие псы иногда: чем тяжелей наказания, тем им милей господ» (Некрасов). Относительно же эгодеятеля полезно вспомнить мысль Маркса, что «животное непосредственно тождественно своей жизнедеятельности. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно и есть эта жизнедеятельность» [8, с. 93–94]

На второй ступени (наивный тип) находятся люди (их, вероятно, большинство), которые

задавали себе вопросы о смысле своего существования, получили готовые ответы на них (от других людей, из книг, СМИ) и приняли наиболее подходящие для себя. Например, «надо жить для себя», «жизнь — это игра», «жизнь — служение Богу, отечеству, человечеству» и т.п. Наиболее интересны на этой ступени наивные служители, ибо из них вырастают фанатики (пламенные революционеры, камикадзе, шахиды).

На третьей ступени (сознательный, истинный, убежденный типы) находятся люди, критически осмыслившие готовые рецепты и сознательно сделавшие свой выбор. Дополнительные типы служителя (усомнившийся) и эгодеятеля (задумавшийся) отражают период сомнений перед окончательным выбором.

Образ наивного служителя в момент сомнений запечатлен М.Ю. Лермонтовым, описавшем встречу Максим Максимыча с Печориным. (Штабс-капитан не сдал коменданту «кой-какие казенные вещи», спеша на встречу с приятелем. «Заминаясь», он рассказал об этом автору, по мнению которого «бедный старик, в первый раз от роду, может быть, бросил дела службы для личной надобности»). Пройдя период «переоценки ценностей», служитель может осознанно служить прежним ценностям или изменить их, но в обоих случаях он способен стать «истинным служителем». Истинным служителем был, вероятно, П. А. Столыпин.

Тип задумавшегося эгодеятеля хорошо представлен библейским Екклесиастом. В стихах, в которых он подводит итоги своей жизни, 25 слов из 171 оказываются местоимениями «я», «себе», «мне», «мое» [5, с. 673–674], что с очевидностью показывает ориентированность его деятельности на него самого. Осознав бренность всего сущего и испугавшись смерти и забвения, он пришел к печальному выводу, что «все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем». В результате Екклесиаст «возненавидел жизнь», ему «противны стали... дела, которые делаются под солнцем; ибо все — суета и томление духа!». Он даже «возненавидел... труд..., которым трудился под солнцем», потому что должен оставить его человеку, который будет после него [5, с. 674].

Думается, рассуждать подобным образом может лишь обезумевший от страха смерти и жадности эгодеятель, ибо гармоничный деятель и служитель способны примириться с конечностью своей земной жизни. Что касается позиции убежденного эгодеятеля, то она хорошо выражена словами М. Штирнера: «Для Меня нет ничего выше Меня» [12, с. 9].

Таблица 1

Эволюция основных личностных типов

Личностные типы	Степень осознанности своей деятельности			Нравственный выбор	
	Естественный	Наивный	Сознательный	Добрый	Злой
Гармоничный деятель	Естественный	Наивный	Сознательный	Добрый	Злой
Служитель	Естественный (Животный)	Наивный	Усомнившийся, Истинный	Праведный (Добрый)	Нигилист (Злой)
Эгодеятель	Естественный (Животный)	Наивный	Задумавшийся, Убежденный	Разумный (Добрый)	Циничный (Злой)
Игрок	Естественный	Наивный	Сознательный	Честный	Нечестный

Все личностные типы (вне зависимости от степени осознанности своей жизнедеятельности) способны «выбрать» добро или зло в качестве основы своей нравственной установки по отношению к миру. Точный смысл слов «добро» и «зло» не слишком ясен. Но с некоторой условностью можно принять, что слово «добро» отражает творческие, созидательные процессы в мире, а слово «зло» — разрушительные, ведущие к хаосу. В соответствии с этим выбором формируются два стиля жизнедеятельности — добрый (праведный) и злой (дьявольский). Для доброго стиля характерны *производящая эгодеятельность, служение созидающему началу, честная игра*. Для злого стиля — *присваивающая эгодеятельность, служение началу разрушения, нечестная игра*.

Люди, занимающиеся производительной деятельностью на ранних стадиях развития общества (земледельцы), более склонны к доброму стилю жизнедеятельности, нежели те, у кого преобладает присваивающая деятельность (скотоводы). Об этом свидетельствует поведение главных героев народных эпосов (поведение Гер-оглы в туркменском эпосе и Микулы Селяниновича в русской былине), а также высказывания выдающихся персонажей, представляющих эти народы. В этом отношении показательны слова Чингисхана и Александра Невского. Чингисхан считал, что для мужчины высшая радость «подавить возмущившегося и победить врага», захватить жен и скот противника, а далее пользоваться захваченным [6, с. 19]. Невский же предупреждал, что «кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». На более поздних ступенях развития, с учетом возрастания мощи человеческой деятельности и потребности в ресурсах, что влечет увеличение доли присваивающей деятельности в общем русле деятельности производящей, последняя также может порождать «злой» стиль жизни. Пример тому — современные страны Запада.

Служитель, прошедший через стадию сомнений, чаще, вероятно, выбирает положительную совокупность ценностей в качестве объекта служения. Тогда его можно назвать «праведным служителем». Однако он может стать «злым» служителем, если служит началу разрушения, или нигилистом, если он отвергает или стремится разрушить любую систему ценностей. Известны культы «черных» богов, несущих смерть и страдание, сатанинские культы и т. п.

Убежденный эгодеятель также может сделать нравственный выбор в направленности своей деятельности. И в зависимости от выбора появляются типы *злого (циничного)* и *доброго (разумного)* эгодеятелей.

Злыми (циничными) эгодеятелями следует считать тех, кто, вполне осознав бессмысленность одинокого существования, пришел к выводу «После нас — хоть потоп!» и достаточно сознательно «прожигает жизнь», не щадя при этом окружающих для своей прихоти или удовольствия. Этот личностный тип представлен в образе капитана Ларсена (персонаж Дж. Лондона).

Разумными эгодеятелями становятся те, кто, вполне сознавая бренность своего земного бытия, пытается найти радость и тепло

жизни во взаимодействии «на равных» с другим человеком. Для этого типа («разумного эгоиста» по Чернышевскому) высшими ценностями оказываются любовь, взаимное сочувствие и душевная поддержка. Концепцию человеческого существования, основанную на принципах разумного эгоизма, проповедует Э. Фромм. По его мнению, «мое Я, в принципе, должно быть таким же объектом моей любви, как и Я другого человека. Утверждение моей собственной жизни, счастья, развития, свободы коренится в моей способности любить, т. е. в заботе, уважении, ответственности и знании» [13, с. 127]. Разумный эгодеятель вполне приемлемое социальное существо. Для усомнившегося эгодеятели (равно как и для усомнившегося служителя) не закрыта, впрочем, и эволюция в направлении служителя или гармоничного деятеля.

Господствующей разновидностью для отдельного человека может стать также игра, когда он находит в ней смысл, радость и само свое существование. Образ игрока описан в мировой литературе (Достоевский, Цвейг), игроки встречаются в истории человечества. Вероятно, человеком игрового типа был Пирр, царь Эпира, который, рассказывая своему собеседнику о планах завоевания мира, назвал конечной целью всех своих побед возможность проводить жизнь в мире, веселье, спокойствии и дружеских беседах. На что собеседник резонно возразил: «Зачем все опасности, тяготы и кровопролития, если царь может все это делать уже сейчас?» Очевидно, Пирр лишь псевдорационально объяснял свою деятельность, а в действительности ему было просто интересно «играть в войну». Личностный тип игрока также способен к эволюции в зависимости от степени осознания своей деятельности и нравственного выбора.

Помимо названных личностных типов, возникающих естественным путем, под влиянием случайных факторов, возможно появление «индуцированных», «наведенных» типов, если в конкретном обществе господствует одна из объективных разновидностей деятельности. В этом случае люди, независимо от их «естественных» личностных типов, усваивают нормы доминирующей деятельности. Так, если общество существует преимущественно на базе служебной деятельности (или эгодеятельности), следует ожидать появления заметного количества личностных типов, которые внешним образом ведут себя как служители (или эгодеятели). В частности, при господстве в обществе служебной деятельности практически неизбежно появление «карьериста» (эгодеятели в мундире служителя). «Естественный» служитель в обществе, основанном на эгодеятельности, может надеть маску скептика или даже циника, объясняющего свои благородные действия якобы корыстными мотивами. В целом, появление «индуцированных» типов личности создает почву для появления «противоречивых» типов личности, душевного нездоровья и пр. Следует отметить, что люди способны, хотя и нечасто, менять свой социальный тип волевым усилием. Похоже, это пытался сделать Байрон, бывший, судя по биографии, явным эгодеятелем, но отправившийся помогать греческим повстанцам в борьбе с турками.

Основные выводы. Учитывая сложность человеческой природы, можно на основе ее отдельных сторон (или комплексов ее сторон) построить теории личности, выделить личностные типы и т. п. Личность может стать предметом социологии, если понимать ее как социальное начало в человеке. Общество целесообразно рассматривать как объединение людей, основанное на соотношенном деятельностном взаимодействии, а личность — как человека, участвующего в этом взаимодействии (деятеля). Социальные типы личности выявляются на основе критически воспринятой концепции К.Г. Юнга об экстравертах и интровертах, а также концепции трех основных

разновидностей деятельности: эгодеятельности, служебной деятельности и игры. Теоретически можно выявить семь основных социальных типов личности, но для простоты можно ограничиться четырьмя типами: гармоничный деятель, эгодеятель, служитель и игрок. Основные социальные типы личности способны эволюционировать в зависимости от осознанности собственной деятельности и нравственного выбора. Доминирование в обществе одной из основных разновидностей деятельности (эгодеятельности или служебной деятельности) может привести к появлению индуцированных типов личности, что может служить почвой психических расстройств.

-
1. *Бороноев А. О., Письмак Ю. М., Смирнов П. И.* Моделирование социальных систем: концепция и основные понятия / Проблемы теоретической социологии. Вып. 2. — СПб.: СПбГУ, 1996. — С. 81–92.
 2. *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии / Западноевропейская социология конца — начала веков. — М., 1996. — С. 491–507.
 3. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. — СПб.: Глаголь; СПбГУ, 1995. — 552 с.
 4. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М.: Канон, 1995. — 352 с.
 5. *Екклесиаст / Библия.* Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Русское библейское общество, 1994. — С. 673–681.
 6. *Кычанов Е. И.* Чингисхан // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 7. — СПб., 1995. — С. 5–20.
 7. *Луман Н.* Теория общества // Теория общества: сборник. — М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. — С. 196–235.
 8. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 42. — С. 41–174.
 9. *Рабочая книга социолога.* Изд. 2-е. — М.: Наука, 1983. — 477 с.
 10. *Смирнов Г. П., Смирнов П. И.* Понятие «социальное» как средство построения социологической теории / Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2009. Вып. 3. — С. 19–25.
 11. *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. Ч. 2. — Сыктывкар: Коминвест, 1991. — 158 с.
 12. *Штирнер М.* Единственный и его собственность. — Харьков: Основа, 1994. — 560 с.
 13. *Фромм Э.* Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. — Минск: Коллегиум, 1992. — 253 с.
 14. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные положения, исследования и применение). — СПб.: Питер Пресс, 1997. — 608 с.
 15. *Юнг К. Г.* Психологические типы. — СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. — 716 с.